Шкель Т. Дума-Рада. Нижняя палата ратифицировала договоры с Украиной. Но со скандалом // Российская газета. №3460. 21 апреля 2004 г.

Трещенков Є. Україна в російському суспільно-політичному дискурсі

Події в Україні у російсько-українських відносинах знаходять жвавий відгук у російському суспільстві, що говорить про велике значення, яке надають в Росії відносинам з цією державою. Що це за значення? Яке значення надає Україні російське населення в цілому, російська влада та різні групи російського суспільства? Яка тематика дискусій по українському сюжету? Ці та інші запитання автор висвітлює в даній статті.

Ключові слова: *дискурс, еліти, громадська думка, біполярність, ідентичність, помаранчева революція, НАТО.*

Treshchenkov E. Ukraine in Russian discourse and public opinion

Ukraine, its politics and the future of Ukraine-Russia relations seems to be one of dramatic and at the same time difficult issues in Russian political discourse and public opinion. What does mean Ukraine for Russian society and Russian elites? What is a content of Russian discussions on Ukraine? These questions are in focus of this introductory study.

Keywords: *discourse, elites, nationalist-patriots, liberals, pragmatics, public opinion, identity, orange revolution, bipolarity, NATO.*

УДК 316.422.42

Лариса Титаренко
д.соц.н, профессор кафедры социологии
факультет философии и социальных наук
Белорусский государственный университет
(г. Минск, Республика Беларусь)
Анна Широканова
магистрант кафедры социологии
факультета философии и социальных наук
Белорусского государственного университета
(г. Минск, Республика Беларусь)

СОЦИАЛЬНОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

В статье рассматриваются проблемные основания социального прогнозирования в постсоветских странах. Показывается специфика социального прогнозирования, тенденции социального развития в современном обществе (усиление контроля, диффузные формы социальной организации, расширение понятия социального). Особое внимание уделено методологическим причинам неудач постсоветской модернизации. Поставлены проблемы современной политической повестки дня для Украины в контексте новой Восточной Европы.

Ключевые слова: *социальное прогнозирование, модернизация, контекстуализация, институты, Украина, новая Восточная Европа.*

Социальное прогнозирование с самого начала своего развития было связано с решением важных специфических методологических проблем, которые не имеют место в области естественнонаучного прогнозирования. Поскольку и субъектом, и объектом социального прогнозирования

выступают люди, наделенные волей и сознанием, постольку их действия никогда не могут быть «просчитаны» с той же степенью вероятности, что и в естественных науках. Социальные процессы, как правило, не описываются в терминах математической вероятности: они подчиняются динамическим закономерностям, проявляющимся не в каждом конкретном случае, а лишь как тенденция. Поэтому социальное прогнозирование в принципе способно выявить лишь объективные тенденции развития процессов, а не в буквальном смысле предсказать их точное развитие. В этом состоит одно из принципиальных различий, о которых часто «забывают» практические политики, которые всегда хотели бы иметь полную уверенность в достоверности того или иного прогноза, а не только в той или иной степени его вероятности.

Нематематическая вероятность социального прогнозирования не означает, что они не являются объективными. Как отмечал один из основателей социального прогнозирования, немецкий социальный философ Осип Флехтхайм, «в социальном прогнозировании имеется соответствующая степень достоверности и объективности» [9]. В качестве примера достоверности социального прогноза Флехтхайм (который не был марксистом) ссылался на прогноз всего хода и результатов Первой мировой войны, сделанный Ф. Энгельсом более чем за два десятилетия до ее начала, основываясь только на анализе имевшихся данных о социально-политическом и экономическом развитии стран Европы в конце XIX века.

Раскрывая специфику социального прогнозирования, Флехтхайм подчеркивал, что «во всех социальных науках, значительные явления должны быть поняты в их относительной уникальности и сложности, и во взаимоотношении со всей структурой культуры. Когда мы соприкасаемся с прогнозированием единичного явления, мы должны быть удовлетворены качественным утверждением о его достоверности, которое вытекает из комбинации индуктивных и дедуктивных аргументов» [9].

Дополнительно укажем, что социальное прогнозирование в корне отличается от утопических проектов социального развития тем, что основывается на анализе логики реальных событий, опирается на достоверные факты и культурно-исторический контекст, а не на желательный образ будущего или некую нормативную модель развития общества, как это имеет место в утопиях [2]. Даже если какие-то черты этих проектов и могут воплотиться в жизнь (как, например, идеи всеобщего образования граждан у Т. Кампанеллы или идея эмансипация женщин у Ш. Фурье), это не меняет сам ненаучный характер классических или современных утопий. Важным отличительным признаком утопий как

пророчеств является желательность предсказываемых результатов, его привлекательность для конкретной социокультурной ситуации. Как показывает развитие общества, данная черта может рационализироваться, однако не является характерной для какого-то общеисторического этапа. Совокупность социально-политических факторов и массовых ожиданий подкрепляет веру в утопии и в наше время (проект Г. Явлинского по построению рыночного общества в России за 500 дней).

Итак, с одной стороны, сама природа социальной реальности обусловливает недостижимость стопроцентной точности социального прогнозирования. С другой стороны, данная особенность не делает социальные прогнозы ненаучными или субъективными; она лишь подчеркивает их специфический (качественный) характер. В результате остается достаточно простора для действия «человеческого фактора» - результатов взаимодействия факторов на микро- и макроуровне, от прорывных инноваций до качественного проявления количественных тенденций (например, «утечка мозгов») и до динамичной эскалации конфликтов коллективных идентичностей (военные акции, террористические атаки). Рост неопределенности, включаемой во фрейм социального прогнозирования, и рост контроля являются главными чертами современного общества [10]. Все возрастающий сбор информации и контроль за социальной жизнью, фиксирующий социальные и актантные взаимодействия вплоть до видеокамер у банкомата, усиливают возможности социального прогнозирования, но и при возрастающей сложности прогнозов, не могут учесть нерационального поведения людей или наступления латентно зреющих качественных событий [4; 11]. Именно поэтому человеческий фактор, способный внести значительные изменения в социальные прогнозы, и признается ключевым для развития общества.

История не приемлет сослагательного наклонения, и поэтому можно только размышлять о том, каким образом сложился бы ход событий, если бы, например, пуля Ф. Каплан не ранила Ленина в 1919 году и он смогу бы дольше находиться у власти; если бы М. Горбачев не согласился бы на объединение Германии в 1989 году, можно с уверенностью сказать, что конкретные исторические события действительно развивались бы иначе. Таким образом, субъективный фактор здесь важен как на уровне предмета социального прогнозирования, так и на уровне принятия решений. Отсюда – важность личности в социально-историческом развитии, умения политиков точно выбрать время и место для практической реализации тех или иных социальных прогнозов.

Немаловажным является и факт изменения понимания социальных акторов в науке. Изменяется представление о традиционном разделении на индивидов и группы. Развитие информационной инфраструктуры и скорости передачи информации способствуют возрастанию роли фокусированных совместных действий индивидов, объединенных общей идеей, задачей или проектом. Распространяются новые формы социальной организации с мерцающим членством, основанные на интересе участников к конкретной проблематике [1]. Помимо субъективной вовлеченности участников вне зависимости от конкретных социально-демографических характеристик, отличительной особенностью новых форм социальности является эмерджентный характер их совершаемых социальных действий, сочетающий сильные стороны традиционного индивидуального и коллективного действия: сложность контроля за участниками действия и полноту информации внутри самой группы. В результате социальное прогнозирование должно учитывать возрастающую роль влияния внешней среды на объект прогноза, диффузный характер границ исследуемого участка социальной реальности, а также усложнение внешнего контроля за индивидами . В сложившихся условиях растет значение создания инфраструктуры для желаемого социального развития – не столько плановых показателей, сколько поощрение самоорганизации при согласии всех участников на определенный минимум требований и совместное поддержание соответствия этим требованиям. Ослаблению возможностей социального контроля соответствует усиление роли индивида в обществе, его субъективной мотивации при участии в жизни общества. Таким образом, именно сочетание интересов индивидуальных акторов, тенденций в развитии социальной самоорганизации, а также возрастающего влияния любой внешней среды являются факторами успешного социального прогнозирования сегодня [1, 178-179]. Использование собственных возможностей общества к самоорганизации, позволяющих в наибольшей мере развить системный потенциал человеческого фактора, склоняет к более активному переходу в социальном прогнозировании от принципов задания внешних границ до задания минимума стандартов с возможностью поливариантности конкретных форм организации и развития общества.

Ход социально-политического развития на постсоветском пространстве, включая Украину, убедительно доказывает упомянутые выше особенности социального прогнозирования (как их объективность, контекстуальный характер, так и их ограниченность).

После 1991 года политики ряда постсоветских стран сохраняли иллюзии относительно возможности успешного развития той или иной страны, опиравшиеся, главным образом, на амбиции и желания, а не на научные социальные прогнозы. В какой-то мере эти иллюзии опирались на абстрактные теоретические схемы, разработанные западными политологами и экономистами, которые обещали скорое достижение экономических результатов при переходе к рынке и свободным выборам. В 1990-е гг. практически вся транзитология была направлена на быстрый слом остатков советской системы и внедрение новых (западных по происхождению) общественных институтов. Однако данные модели представляли собой не социальные прогнозы, а универсализированные схемы социально-политического развития, построенные по западным образцам, созданные на основе принятых на западе норм и ценностей. Будучи перенесенными в совершенно иные культурно-исторические условия постсоветских стран, эти модели везде потерпели крах или были внедрены в искаженном, упрощенном (в любом случае – качественно ином) варианте. Не случайно в начале 21 века американский политолог Т. Каротерс от лица всей западной транзитологии был вынужден признать их полный провал, причем не только в отношении постсоветских стран, но и многих других стран мира, куда эти модели экспортировались без учета качественного специфики региона [8, 6].

Современные теории анализа общественного развития и глобальных властных отношений, во-первых, склоняются к поливариантности прохождения модернизации в разных обществах [12], а во-вторых – к социокультурной обусловленности способа протекания процессов в «черном ящике» институтов общества [7]. На заре постсоветской трансформации сложилась группа факторов: высокие ожидания, представление о желательности модернизации по западному образцу и готовность западных политических и экономических акторов включить новые государства в цепочку отношений, - которая способствовала укреплению идеи возможности западной модернизации в постсоветских условиях. Впоследствии социальная практика в постсоветском регионе и по всему миру показала наивность и несостоятельность данных проектов. Невнимание к институциональному и ценностному факторам, эмоциональная мотивация принятия политических решений во многом привели к тому, что Я. Станишкис назвала посткоммунизмом – неотрадиционной стратегией управления, основанной на сочетании либеральной идеологии и частичных институциональных заимствованиях из советской системы управления. Причинами несостоятельности

подобного организационного сочетания можно назвать три его отличительные черты: 1) имитационность (заимствование институциональных компонентов при одновременном изменении их смыслов и функций); 2) гиперреальность (идеологизация ситуации, основанная на активном использовании символических ресурсов); 3) избирательная последовательность (игнорирование логики развития традиции, попытки «перескакивать» через логические фазы, одновременно минуя их недостатки) [5, 67-68]. В свернутом виде данные черты развития были характерны и для моделей социального планирования; социальные ученые и политики были одновременно повержены как специалисты с падением советского строя и зачарованы успехами и достижения западной модернизации. Используя метафору М. Вебера, можно сказать, что в 1990-е гг. на постсоветском пространстве произошла «заколдовывание» нарративом западной модернизации, вместе с мифологизацией мышления и отсутствием воли к коллективному осознанию реальных общественных возможностей и актуальной расстановки сил в поле власти. По Станишкис, «кризис конструкции посткоммунизма, созданной неотрадиционной стратегией, будет, быть может, поводом для окончательного разрыва с прошлым и отказа от двух традиций – посткоммунистической и ультралиберальной и тем самым обеспечит выход в современность, связанный, прежде всего, с рациональной оценкой динамики и уровня развития общества» [5, 76].

В свою очередь, украинский политолог А. Фисун отмечает, что проблемы власти на постсоветском пространстве нельзя анализировать в рамках альтернативы «авторитаризм – демократия», ибо траектория постсоветских трансформаций лучше всего характеризуется в терминах концепции неопатримониализма [6]. Это означает, что и социальные прогнозы не могут строиться на методологии, адекватной для современного западного общества, где демократия имеет длительную историю и реализовалась в институтах многопартийности, выборности, законности и т.п.. По аналогии с концепцией патримониализма, развитой М. Вебером, Фисун полагает, что в постсоветских странах возродились архаичные отношения, которые лишь маскируются демократическим фасадом. По существу же, постсоветские страны развиваются по другой логике – логике приватизации государственной власти той или иной элитой. Фисун поместил этот тип отношений между феодализмом и капитализмом. По его мнению, западная транзитология на постсоветском пространстве не работает, тогда как концепция неопатримониализма, дополненная идеями становления европейских государств,

предложенными Ч. Тилли, хорошо объясняет и «цветные революции», и альтернативный им путь «силовой рационализации» «сверху» под лозунгом наведения порядка и стабилизации.

Для того чтобы строить работающие социальные прогнозы, отвечающие постсоветской социальной действительности и действующим в ней институциональным механизмам, социальная наука должна, во-первых, обеспечить «обобщенное самосознание», то есть видение собственной особенности в сравнении с восстановленной, а потом отброшенной традицией, которое бы поместило мышление в современность, определяемую поливариантностью социального развития в условиях капитализма; во-вторых, провести соответствующую реальность концептуализацию действующих социальных институтов и процессов; в-третьих, освободиться от заимствованных концептов, которые оказались неспособными ни объяснить происходящее, ни дать прогноз на ближайшее будущее. Осознание контекстуальности используемых в постсоветском социальном планировании западных понятий, а также значимости локального контекста в производстве социальной действительности означают необходимость субъективации социальной науки в постсоветских странах: методологическое требование к созданию собственных теорий социального развития, макросоциальных концептов и методологий социального прогнозирования.

Если в ряде западноевропейских стран путь рационально-бюрократической трансформации приводил к демократии, то это не означает, что они универсально и напрямую связаны. В подобном видении социального развития не учитывается многообразие стран, включаемых в «Запад». Страны, преуспевшие в модернизации, превращаются в «новый Запад», несмотря на географическую и культурную принадлежность. Социокультурное родство европейской культуре в этом случае играет для Восточной Европы двойную роль: облегчая понимание и легитимацию тех или иных нововведений, оно одновременно подменяет системное наполнение проводимых заимствований и воспроизводит оригинал лишь избирательно (а значит, нецелостно) или имитирует его имплементацию с помощью символического производства [3]. Поэтому вместо либеральной демократии в других условиях может родиться олигархическая демократия или авторитарный режим. Основные проблемы ближайшего социального развития – это конкуренция между механизмами создания и поддержания демократии, обеспечение перехода к равным «правилам игры» для всех субъектов политики или, наоборот, установление

монопольного контроля над политическим и экономическим развитием в странах постсоветского региона.

Попытаемся продемонстрировать, как работают те или иные методологические подходы социального прогнозирования применительно к Украине.

Уже в 1998 году официально была провозглашена европейская ориентация Украины во внешней политике. Практически это означало постепенное включение собственной страны в политический мейнстрим, пути развития которого диктуются Европейским Союзом. После «оранжевой революции» Украина неоднократно подтверждала свою открытость социально-политическим преобразованиям для того, чтобы попасть в число ассоциированных стран, кандидатов на вступление в ЕС, несмотря на официальные заявления высших лиц Европейской Комиссии об отсутствии такой перспективы для стран новой Восточной Европы. Имея перед собой примеры быстрого вступления в Евросоюз стран Юго-Восточной Европы (Болгарии, Румынии), которые были приняты в этот союз из политических соображений, украинское руководство строило аналогичные прогнозы и для Украины.

Однако, как показала историческая практика, подобные социальные прогнозы о переходе к переговорам о вступлении в ЕС были недостаточно обоснованными. Во многом они служили мобилизационным фактором для населения страны и политическим аргументом в межгосударственных отношениях постсоветских стран Восточной Европы. Украина позиционирует себя как проводника политики Европейского Союза в Восточной Европе. С другой стороны, заинтересованные акторы в России и Беларуси с настойчивостью включают Украину в проекты создания межгосударственных союзов.

Заявляемые социальные прогнозы развития Украины чаще всего не учитывают ни политической конъюнктуры, ни особенностей исторического момента («критические переходы» и периоды путевой зависимости, в терминологии исторического институционализма). До сих пор успешными примерами постсоветской модернизации являются проекты мирового бизнеса, основанные на принципах позднего капитализма и сетевой организации. Сделанные ранее западные прогнозы предсказуемо опирались на реализацию собственных политических интересов, одновременно будучи заложниками собственного социокультурного контекста. Именно так можно объяснить интенсивную и проблематичную политику по реализации условий вступления стран Центрально-Восточной Европы в ЕС. Многие институциональные

факторы, проигнорированные при подготовке вступление, сегодня продолжают воспроизводить социальные продукты, идущие вразрез с институциональными ожиданиями общеевропейских органов власти (как, например, коррумпированный кандидат на пост еврокомиссара от Болгарии).

Что касается Украины, то, видимо, изначально в прогнозах ЕС роль ее состояла в качестве члена очередного «нового» (что сегодня часто означает «постсоциалистического, менее развитого и богатого») члена ЕС. Косвенным подтверждением этой гипотезы служит тот факт, что в программу Восточного Партнерства были включены не только «продвинутые» по пути реформ Украина и Молдова, но и «консервативная» Беларусь.

На сегодня основными политическими и интеллектуальными задачами социального прогнозирования, таким образом, являются осознание собственных возможностей и политического места в новых условиях в регионе («спрессованность» между ЕС и Россией). Это означает, прежде всего, верификация существующих политик и представлений социальной реальности региона. На данном этапе региону было бы выгоднее, с точки зрения реализации политических и экономических интересов, объединяться и действовать сообща, а не в одиночку. Внутренняя конкуренция за политическую ренту в новой Восточной Европе в условиях достаточно слабой информированности и взаимной закрытости систем зачастую ослабляет позицию каждой из стран региона. Восточная Европа реально не может до конца быть представлена в программе «Восточное Партнерство», поскольку главным действующим актором здесь является расположенный в Европе центр, а также поскольку в силу своих целей данная программа охватывает контекстуально разрозненные страны в Восточной Европе и на Кавказе. Более того, следующим шагом после верификации и контекстуализации как действующих аналитических понятий социального развития, так и институциональных политических рамок продвижения интересов стран региона должна стать «нормализация» социального прогнозирования, когда исходной точкой перспективы социального развития должны являться не очередные выборы, а стратегические цели развития общества (развитие экономики знаний, региональных кластеров, инновационного производства) и интересы гражданского общества (локальное самоуправление, механизмы координации общественного управления).

Данная повестка дня направляет внимание социального прогнозирования к переопределению позиций стран Восточной Европы в

регионе, выработке новых форм сотрудничества между ними, учитывающих рассмотренные тенденции общественного развития (еврорегионы и другие пограничные проекты), а также переформулирования существующих целей и средств общественного развития с точки зрения взаимовыгодной координации и определения местоположения стран в глобальных экономических отношениях.

Литература

1. Басов, Н.В. Становление и развитие инновации в сетевых коммуникативных структурах / Н.В. Басов // Общество знания: от идеи к практике. Коллективная монография: В 3-х частях. Часть 2. Социальные коммуникации в обществе знания / Под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. – СПб.: Скифия-принт, 2009. – С. 148-181.
2. Василькова, В.В. Концепция общества знания: новая утопия или социальная технология? / В.В. Василькова // Общество знания: от идеи к практике. Коллективная монография: В 3-х частях. Часть 1. Основные контуры концепции общества знания / Под ред. В.В. Васильковой, Л.А. Вербицкой. – СПб.: Скифия-принт, 2008. – С. 6-28. – Электронный ресурс. – Режим доступа: http://www.rcenter.spb.ru/texts/books/Knowledge%20Society.%20Vol.%201.pdf. – Дата доступа: 01.03.2010.
3. Джеймисон, Ф. Постмодернизм и общество потребления / Ф. Джеймисон // Логос. – 2000. – №4. – С. 63-77.
4. Кнорр Цетина, К. Объектная социальность: общественные отношения в постсоциальных обществах знания / К. Кнорр Цетина // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2002. – Т. 5. – №1. – С. 101-124.
5. Станишкис, Я. Модернизация периферии: используем ли мы этот шанс? / Я. Станишкис // Перекрестки. – 2005. – №3-4. - С. 66-80.
6. Фисун, А. Демократия, неопатримониализм и глобальные трансформации / А. Фисун. – Харьков: Константа, 2006. – 352 с.
7. Appadurai, A. Modernity At Large: Cultural Dimensions of Globalization / A. Appadurai. – Minneapolis: University of Minnesota Press, 1996. – 248 p.
8. Carothers T. The End of the Transition Paradigm / T. Carothers //Journal of Democracy. – 2002. – Vol. 13. – № 1. – P. 5-21.
9. Flechtheim, O. Futurologie. Der Kampf um die Zukunft / O. Flechtheim. – Köln: Wissenschaft und Politik, 1982. – 431 S.
10. Giddens, A. Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age / A. Giddens. – Cambridge: Polity, 1991. – 268 p.
11. Latour, B. Reassembling the Socia: An Introduction to Actor-Network Theory/ B. Latour. – Oxford: Oxford University Press. – 312 p.
12. Multiple Modernities / S. Eisenstadt (ed.) – New Brunswick, London: Transaction Publishers, 2002. – 267 p.

Титаренко Л., Широканова А. Соціальне прогнозування у пострадянському просторі: деякі методологічні проблеми

У статті розглядаються проблемні засади соціального прогнозування в пострадянських країнах. Висвітлюється специфіка соціального прогнозування, тенденції соціального розвитку у сучасному суспільстві (посилення контролю, дифузні форми соціальної організації, розширення поняття соціального). Особлива увага приділяється методологічним проблемам невдач пострадянської модернізації. Поставлені проблеми сучасної політичного порядку денного для України в контексті нової Східної Європи.

Ключові слова: *соціальне прогнозування, модернізація, контекстуалізація, інститути, Україна, нова Східна Європа.*

Titarenko L., Shirokanova A. Social Forecasting in the Post-Soviet Space: Some Methodological Problems

The article addresses methodological dilemmas of social forecasting in post-soviet countries. The focus is on global trends of social development (growth of risks and control, network structures, changing role of subjectivity), and on the methodological pitfalls of conceptualizing the post-soviet modernization. The authors identify the need of revising the types of political action of Ukraine as part of new Eastern Europe.

Keywords: *social forecasting, modernization, contextualization, institutions, Ukraine, new Eastern Europe.*

УДК:316.354:331.107 (477)

Олег Масюк
к.філос.н., кафедри соціальної
філософії та управління
факультету соціології
та управління ЗНУ
Станіслав Сльота
студент факультету соціології
та управлення ЗНУ

ТЕХНОЛОГІЇ УПРАВЛІННЯ СОЦІАЛЬНИМ РОЗВИТКОМ ТРУДОВОГО КОЛЕКТИВУ В СУЧАСНИХ УМОВАХ

В цій статті описуються напрямки розвитку технологій управління груповою активністю в процесі виробництва суспільних благ. Копіювання закордонних моделей організації суспільно-трудових відносин та використання людини в якості виробничого ресурсу розглядаються як відхилення в соціальному розвитку трудових колективів. В технологічному процесі управління розвитком соціальною сферою в трудовому колективі виділяються суб'єкти та об'єкти впливу, а також регулятори цього процесу.

Ключові слова: *технологія, управління, соціальний розвиток, трудовий колектив.*

Сучасні конструкції управління груповою діяльністю, які використовуються в процесі виробництва суспільних благ мають нечіткий та фрагментарний характер. Їх зміст насичений еклектичним поєднанням архаїзмів командно-адміністративної системи організації виробничих процесів з «уривками» західного досвіду в управлінні розвитком персоналу в корпоративних відносинах.